

Третья попытка

«Тишина умерла. Ее не существовало здесь и не могло существовать. Страшная оргия с несколькими тысячами участников. Звериные крики, дикие вопли, мохнатые, обезображенные вечной пьянкой лица, завывания моторов и гитар. Ночью вспыхнули мокрые глазницы байков и костры. На черных шкурах и металлических цепях заиграли всполохи свободы. Страшной, откровенной, древней и непостижимой свободы», - мелкие похожие на частокол буквы заполнили белое нутро недавно купленного блокнота.

Анька сидела на бревне, предварительно подложив картонку и носовой платок. Возле костра то ли сушились, то ли коптились ее мокрые кеды. Дождь шел целый день. Последние дни августа скатывались грязными потоками в осень.

Аньке хотелось плакать, но от злости плакать не получалось, только дуть губы и грызть ногти. С самого начала все пошло не так: возлюбленный в первые же часы приезда в Песчанку, сделал Аньке ручкой и преданся поклонению Бахусу. Пошел дождь, все превратилось в грязь, от которой Аньку просто трясло. Материал собирать не хотелось. Черт с ней этой статьей! Будь проклят день, когда она влюбилась в хромированную статью железных коней, в мощные голоса рок-кумиров и волосатые рожи их фанатов. Кто знал, что эта лжеромантика приведет ее в лес полный комаров и агрессивных металлистов.

Запахло жженой резиной. Анька вытащила из костра наполовину сгоревший мокасин и

била им по жухлой траве, пока не успокоилась, потом села на свое бревно, спокойно зашнуровала остатки обуви, повесила через плечо сумку-рюкзачок и пошла вдоль палаток.

-Хватит с меня. Три километра до поселка, а там какой-нибудь дядя Вася подкинёт до города или автобус подожду. Что мне ночевать одной в этом Содоме? Видели бы писатели фэнтези этот фест. Вот вам все живые персонажи: и орки, и тролли, и гоблины,- зло под нос бурчала Анька.

Уже на выходе из лагеря, ее окликнул Гость.

-Шерри, ты куда?

-Провались.

Гость, который по паспорту был Антоном Вячеславовичем Гостевым, привезший Аньку на фест, сердито замахал руками, но, потеряв равновесие, плюхнулся в грязь.

-Я тебя еще найду, гадина,- хрюкнул он из лужи.

С удвоенной энергией зла Шерри зашагала прочь. Надвигался вечер, дождь хмуро семенил рядом, не думая прекращаться. Анька оглянулась, с одной стороны тянулась сосновая посадка, а с другой рябило, как старый телевизор, грязное водохранилище. Большой палец правой ноги выскакивал в прожженную дырку и плюхался в грязь. Девушка чувствовала себя ходячей простудой. Больше всего хотелось чудесным образом оказаться в сухом и теплом месте.

-Чудес не бывает. Одна твоя любимая антиэстетика. Хоть ложкой ее ешь,- шипела Анька.

Сумка-рюкзачок, набитая топиками, юбочками натерла плечо и больно била по спине. От усталости и жалости к самой себе Шерри пару раз всхлипнула и приметила стожок сена.

-Закопаюсь, высохну, а потом и в деревню.

Сено только в книжках периода восхваления коллективизации мягкое, ароматное, манящее, а на самом деле, это тысячи колючек, впивающихся в спину и ноги. Оно пахнет пылью и мышами, а когда прелое еще и плесенью. Но внутри стога оно все же немного сухое и теплое. Анька прыгнула в него с разбегу и принялась натягивать на себя ворохи сухой травы. Вдруг сквозь желтые иголки она увидела ухмыляющуюся пирсингованную рожу.

-Гость, а вот и твоя Шерри,- гнусаво пропел обладатель рожи и схватил Аньку за волосы.

-Отпусти,- взвыла она.

-На кого ж ты меня бросила-а-а,- запричитал Гость

Он лежал на надувном матрасе возле костра по другую сторону стога и смачивал горло из бутылки с водкой.

-Шерри-Шерри, я ж тебя сюда привез, а ты орешь на меня, по морде бьешь, еще и уходишь куда-то.

-Ай-ай,- закачал головой пирсингованный, не выпуская из рук Аньку.

-Нельзя так со мной,- Гость поднялся и двинулся к Аньке,- я зверею,- выдохнул он ей прямо в лицо.

Анька зажмурилась и резко дернулась, пирсингованный не ожидал от нее такой прыти и отпустил. Секунды было достаточно, чтобы Анька, не разбирая дороги, кинулась от них.

Яркие всполохи рвали клубящуюся темноту, приближающейся ночи. Грома не было и ветра тоже, лишь вязкий разряженный воздух замер над долиной. Он стягивал легкие и заставлял сердце биться в ускоренном ритме. Пульсирующие вспышки освещали гладь водохранилища.

На берегу стоял байкер. Он набрал во фляжку воды, повесил ее на бок и теперь лениво гонял из одного уголка рта в другой спичку, с интересом разглядывая прилепившуюся к верхушкам сосен тучу.

- Ползет сюда, - резюмировал он свои наблюдения.

Тут наконец-то небо разродилось громом. Загрохотало так, словно аномальная магнитная зона притянула и собрала все разряды, чтобы все на земле лопнуло, раскололось, разлетелось на мелкие осколки.

Ветвистая молния ярким всполохом пропорола небо и отразилась в воде пылающим деревцем с изломанными ветвями. И тут же погасло, не успев расцвести в воде. Снова все погрузилось в вязкую тишину, но в глазах, словно гравюра, нанесенная на белую жемчужину тоненькими линиями, стояло увиденное.

Дождавшись, когда отгрохочет гром, Тим, выплюнул спичинку и пошел к одиноко стоящему на пригорке своему, так некстати заболевшему, зачихавшему, а потом вообще отказавшемуся двигаться, металлическому другу, брату, детищу, к своей неодушевленной, но живой сущности.

Капли забарабанили по деревянному помосту, по блестящим металлическим поверхностям, по черной кожаной жилетке, туго обтягивающей крутые мускулы плеч. Дождь шлепал босыми пятками по деревьям, траве, капли скатывались вниз, струились по глинистой мягкой земле, собираясь в ручейки, которые, весело журча, неслись к большой воде.

- Пора мотать,- промокшие придатеры согласно чавкнули водой, когда он подошел к погасшему костру. - Вот только как? - Он достал из короба новую спичку и привычно загнал ее в угол рта.- Сейчас достану тент, укроюсь с тобой, переждем этот природный катаклизм, а потом потихоньку двинемся в деревню. Мне бы сухой сарайчик, я бы тебя разобрал, собрал, и да здравствует асфальт!

За спиной послышался неровный топот, Тим обернулся.

Что-то маленькое, оборванное, грязное с громким визгом впечаталось ему в живот, отскочило, еще раз завизжало и умчалось в сторону леса.

Байкер задумчиво потер ушибленную часть своего тела, надломил зубами спичку и хлебнул из фляжки.

Шерри бежала из леса, куда глаза глядят, а в ночи и под секущим лицо дождем, глядеть ими было куда как проблематично. Погони за собой она не слышала из-за собственного топота и биения сердца, которое так и рвалось покинуть грудную клетку, а остановиться или оглянуться - страшно. Внезапно она ударилась, как ей показалось об дерево, затормозила, подняла голову и с грозовой вспышкой увидела чудовище. Огромного роста с черной кожей, длинными волосами, оно стояло у воды и что-то жевало. Громкие

челюсти ходили туда-сюда, в свете очередной молнии блеснули белые клыки. Шерри завизжала и помчалась назад - в лес.

-Уж лучше Гость,- успела подумать она.

Возле леса ноги отказались ей служить, и она устало плюхнулась на кочку. Анька прижала мокрое лицо к коленям и как-то по-звериному заскулила. Тихо-тихо. Но через какое-то время к ее голосу прибавился и другой, погромче. Он, словно жалел Аньку и заодно жаловался ей на свою жизнь. Анька подняла голову и увидела сидевшую напротив лохматую тощую собаку. Собака вытянула в сторону Шерри голову и снова заскулила. Девушка осторожно под напряженным взглядом собаки расстегнула рюкзачок, достала завернутый в фольгу бутерброд и положила его рядом с понимающей мордой на траву.

-Кушай, бедненькая, кушай.

Собака громко втянула в себя запах колбасы и разинула розовую пасть, в которой исчезло все, кроме фольги. Анька протянула ей второй бутерброд. Третий. А от четвертого отломала половину себе.

-Делись. Я тоже голодная,- сказала она собаке.

Та согласно твякнула и, радуясь хвостом, благодарно ткнулась холодным мокрым носом куда-то Аньке за ухо.

Шерри обняла собаку.

-Будешь Химерой? В честь альбома великой Арии и фэнтезийных книг. А? как тебе?

Собака не высказала недовольства, и была окрещена Химерой. Вдвоем они еще немного поблуждали по кромке леса, подыскивая удобное место. Идти через пролесок к шоссе опасно - там Гость и его компания. Остаться на берегу еще страшнее. Мало ли какое чудовище может сотворить природа, которую заставили обслуживать АЭС. Вот оно и выходит из воды или, наоборот, из леса в воду...

- Главное нужно спрятаться так, чтобы нас никто не нашел, а еще сотворить себе какой-никакой ночлег. В поселок нам с тобой сегодня уже не попасть. Ты местная? Может, знаешь куда идти?- Аньку успокаивал собственный голос, приглушаемый шумом дождя.

Пси́на, опережая Аньку на полшага, уверенно вывела ее к раскидистой ели, которая как-то очень достойно заняла собой небольшое пространство в сосновом бору, да еще пристроив за собой табунок молодых голенастых елочек-погодок. Какие-то кусты окружили эту полянку, создав идеальные ясли для деревьев.

- Химера, ты прелесть.- Девушка нырнула в незамоченное дождем нутро ели. Потом, покопавшись в рюкзачке, она достала сухой топ, переделась. Поболтав термосочком, и услышав царапающиеся об дно остатки кофе, она отвинтила крышку и выплеснула в нее уже не горячую, но и не совсем остывшую жидкость.

- Знаешь, Химера, хорошо, что есть дед, который может в последний момент, украдкой, сунуть тебе то, что ты никогда бы не взяла сама. Хорошая штука – кофе да еще с коньяком. То-то еще в дороге Гостя на кофе потянуло. Гад. Почти все выпил.- Анька привалилась к стволу, подложив под бок рюкзачок, и, обхватив колени руками, положила на них голову.

Сон на цыпочках стал подкрадываться к уставшей Аньке. Прижав холодные грязные ступни к теплому боку своей недавно обретенной питомице, она, незаметно для себя, уснула.

Страшный шорох разбудил их обеих. Какой-то неведомый зверь, ломая ветки, сучья, двигался прямо на них. Химера, поджав уши, спряталась за Аньку.

Зверь надвигался.

-А-а-а-а!- заорала Шерри.

Кусты раздвинулись.

-Чего орешь?- строго спросил байкер.- Это я.

-Кто «я»?- обессиленным голосом спросила девушка.

-Тим,- не задумываясь, ответил байкер,- вылазь давай.

Анька беспрекословно, а поэтому непривычно для себя подчинилась, наверно, по инерции. Тим придирчиво оглядел ее. Маленькая фигурка девушки-подростка в резаных джинсах, увешанных булавками, прожженных кедах, в грязной, влажной, с прилипшими

колючками, толстовке и прижавшаяся к ее ноге тощая собака вызвали в нем какой-то протест-раздражение. « Д-а-а-а, помощнички, - подумал он,- Сейчас либо в обморок грохнется от страха, либо истерить начнет».

-Чего вылупился? Ты чего, в музее, я не поняла? Что тебе от меня надо? Что вам всем от меня надо?- закричала Анька, стуча зубами то ли от страха, то ли от дождевой мороси, стекавшей с иголок.

- Я тебе сейчас устрою культурное мероприятие в двух действиях без антракта! – Девушка нащупала за спиной палку, с которой шла по лесу и которую оставила на всякий случай здесь же у дерева. Не подходи – те, - Анька подняла оружие приматов над головой.- Дам затрещину – голова отлетит!

-Не - на-до – мне - ха-мить,- по слогам, нагнувшись к Аньке, четко проговорил Тим,- Это кто?- он кивнул на собаку.

-Химера,- вдруг, неожиданно для себя, всхлипнула Анька. Она изо всех сил прикусила губу, чтобы не разрыдаться.

-Ага. Слушай, Химера, а как до деревни добраться, знаешь?

-Ну, тут по шоссе три километра. Через лес, конечно, короче, только я не знаю, как в темноте сориентироваться,- никогда, даже на экзаменах, так неуверенно дрожащим голосом она не мямлила.- И Химера не я, а - она! Я - Шерри!- обиделась Анька.

-Так, Шерри, некогда выяснять, кто да что, хватай ветки и следуй за мной, а я по пути еще наломаю, чтобы на троих хватило. Навес я соорудил, а вот спать на сырой земле врачи не рекомендуют. Да и друг у меня заболел, ему бы тоже просохнуть не помешало. Сейчас придем, костерок разведем, лапник подсушим, поужинаем и на боковую. До рассвета перекантуемся, а потом я в деревню пойду, ну а ты за товарищем моим поухаживаешь. Все о чем бы он тебя не попросил, все для него сделаешь. Поняла?- он бы еще долго так разговаривал сам с собой, не забывая при этом тесакком обрубывать нижние пушистые ветки сосен, если бы...

- Никуда я не пойду, - она почему-то устала бояться. Пусть будет, что будет, но только сейчас. Пусть хоть убьет, но она с этого места не двинется.

- Не дури. Через час под этой елкой станет, как в луже. К утру похолодает. На тебе вся одежда сырая. Почти босиком.- Он, ей показалось, как-то брезгливо глянул на ее ноги, и вдруг как рявкнет:

- Долго я тебя тут уговаривать буду. Ветки взяла, я сказал, и вперед за мной, шаг в шаг. Поняла?

Когда ей вот так вот вдруг приказывал мужчина, она терялась и, несмотря на свою природную строптивость, переходящую во вредное упрямство неожиданно подчинялась.

Анька схватила еловые лапы и потащила. Иголки впивались в ладони, цеплялись за джинсы, смола пачкала и неприятно липла к рукам, дважды, не видя перед собой тропы, чуть не свалилась. Бросив, колючие лапы в широкую спину Тима, окончательно рассвирепевшая, она постучала его по плечу.

-А почему это я должна таскать твои ветки? Что я нанялась что ли? Обнаглел, да?

«Да» вышло какое-то жалкое, потому что в этот момент Тим обернулся и внимательно посмотрел на Аньку. Ей захотелось окаменеть, провалиться сквозь землю, исчезнуть.

- Запомни один раз и до склероза. Я сказал «тащить», значит, будешь тащить! Скажу «упасть и превратиться в черепашку», значит, упадешь и натянешь панцирь. Ясно?- он не кричал, даже голос был не злой, но бунтовать расхотелось.

Анька, гордо вскинув голову, взвалила на плечо ветки и, глотая слезы-предательницы, направилась следом за Химерой и удаляющейся в дождливую мглу спиной. Еще какое-то время она тупо брела за собакой в кромешной тьме. «Толстовка светлая. Ее теперь от смолы не отстираешь. Да и джинсы новые, дорогие навек испорчены. Приключений тебе захотелось. Исполнилась твоя голубая мечта побывать на байк-фесте? Ты еще, кажется, автостопом хотела до Питера, есть время передумать. Если жива останешься. О девичьей чести, похоже, придется забыть. Он же ясно сказал, что не один, а с другом. Хорошо, что друг болен. Хоть не групповуха. Хотя. Кто его знает. Он на рассвете

уйдет. Дура. До рассвета еще дожить надо. Ну, ты попала»,- и у Аньки от этих мыслей слезы, как крупные горошины катились по щекам, но их тут же слизывали дождевые капли. Ничего, не видя перед собой, она как-то ухитрилась не потерять из виду Химеру. И все-таки Шерри споткнулась об нее. Собака с визгом отскочила. А девушку в последний момент, когда тело уже наметило траекторию падения, вдруг удержал за плечи, неизвестно как появившийся за спиной, Тим. Он собрал рассыпанные ветки и, держа ее за руку, как маленькую, что-то насвистывая, подвел к какому-то рукотворному строению. Потом, как это делают полицейские в кинофильмах, наклонил ей голову и втокнул под крышу дома своего. Но то ли силу не рассчитал, то ли, Аньку от пережитых волнений перестали держать ноги, но только упала она на что-то металлическое, и это что-то преобильно ударило ее по коленке. Анька охнула, но вместе с болью вернулась злость: «Подожди, ты еще у меня попляшешь. Все равно уснешь. Стукну чем-нибудь тяжелым и сбегу. Что-то друга не видно. Больной, блин, лазают где-то под дождем. С двумя мне не справиться. Ладно, война план покажет,- Анька, растирая рукой колено, выглянула из-под навеса.- Где этот долдон?»

А долдон тем временем пытался разжечь костер. Через несколько минут робкие язычки пламени заплясали с чернеющего, на глазах, белого листка на щепочки, а они, дружно занявшись, сначала несмело стали облизывать шипящий от влаги хворост. «Почему-то очень быстро разгорелся костер. Мастер, блин, золотые руки»,- если бы не проходящее чувство опасности, она, быть может, даже полюбовалась бы умениями настоящего мужчины, но вместо этого она спросила: «А где друг-то?»

- Что умело я замаскировал свой чоппер?- он прицокнул языком и подмигнул Аньке.

Она хмуро взглянула на него. А потом еще какое-то время исподлобья, пряча взгляд, пыталась его разглядеть. Лет тридцати. Можно было бы и повежливее с ним, да обойдется. Два метра роста, три дня щетины, пять килограммов железа в цепях на кожаных штанах и заклепках на жилетке. Зеленые внимательные глаза, длинные темные волосы, собранные в пучок, покрытые банданой, упрямый подбородок, немного тонкие губы, татуированные от локтя руки. Колоритный дядя.

Тим заметил ее придиричивый взгляд:

-Что нравлюсь?- он затолкал в рот спичку.

-Нет,- выдавила из себя Шерри и дернула Химеру за загривок.- Идем.- И они вышли из укрытия.

- Далеко собрались?- Он нахмурился.

- Я под елкой рюкзак оставила. У меня там ценные вещи.

- Кому они ночью нужны?

- Сам говорил, через час там все намокнет, вещи испортятся. У меня родители не Рокфеллеры.

- Ладно, не гоношись. Я твой рюкзак сначала, было, с собой взял, а потом где-то здесь на ветку повесил. Сейчас найдем.

Какое-то время они шли, молча, но Анька не выдержала, журналюшная натура дала знать.

-А что с твоим мотоциклом? Он у тебя уже давно? А зачем ты на фест приехал? Ты сам откуда?

Тим нахмурился, ее болтовня, так же как и безотчетный страх перед ним и слезы, раздражали его.

-Семь раз промолчи - один крикни,- ответил он. И осторожнее, смотри под ноги, здесь где-то вымоина глубокая, упадешь – не выберешься.

Анька гордо дернула подбородком:

-Хам из пригородной электрички,- помолчала и добавила,- А я журналистка. Да. Первый курс закончила, но я уже в газете работаю. Вот решила статью про фест написать...

Вдруг Тим нырнул куда-то в сторону от тропы и тут же вернулся, держа в одной руке блокнот, а на локте болтался ее рюкзачок.

-Это вот твой что ли?- Тим, подсвечивая телефоном, стал листать блокнот Шерри.- Ну и почерк. Как бройлер окорочком.

-Откуда? Ах ты!- озверевшая Шерри попыталась выхватить блокнот у Тима.

Его позабавила ее кошачья прыткость, и он стал перебрасывать блокнот из руки в руку, чуть отступая от нее и всегда уворачиваясь от ее наскоков.

-Отдай-отдай,- вопила Анька.

Она повисла у него на шее и укусила за плечо.

-Аааа,- заорал Тим,- Сдурела? Мне же больно.

Испуганная Химера шарахнулась в кусты.

-Еще раз возьмешь мои вещи, я тебе по локоть руку откушу,- зло прошипела Шерри.

-Бешенная. Дура! Ты его обронила, - и он сунул ей в руки рюкзак, прилепив его сверху блокнотом.

-Это я дура?- Шерри, закинув за спину рюкзак, в карман которого уже втиснут, был блокнот с зародышем статьи, сжав, маленькие кулачки, приблизилась к Тиму.

-Ты,- он схватил ее за запястья, скрутил их за спиной и связал их тоненьким ремешком, вытянутым из кармана жилетки.- В целях воспитания!- подняв указательный палец вверх, объяснил он.

-Идиот!

-Будешь орать, еще и кляп воткну. Ну-ка бегом под навес, пока костер не погас. Химера, за мной,- он шлепнул ладонью по штанам.

Трусливая собака побежала за скрученной хозяйкой, оглядываясь на Тима. Дождь, совсем было утихший, хлестнул с новой ожесточенной силой, деревья согнулись и заскрипели под порывами налетевшего ветра. Казалось, лес наполнился страшными великанами, разминающими ноги и потягивающимися после сна. Шерри зашагала медленнее, стараясь держаться поближе к Тиму. На расстоянии вытянутой руки была непроницаемая тьма.

-Развяжи меня,- попросила Анька и нехотя прибавила,- пожалуйста!

-Еще рано, вот когда...

Тим не успел закончить, ноги заскользили по мокрой листве, и он, потеряв равновесие, полетел вниз по крутому склону.

-Не двигайся,- в полете заорал он.

Приземлился Тим на все четыре конечности, а сверху, прижав его к земле, глухо упала Анька.

-Ты мне чуть спину не сломала,- пробухтел он, поднимаясь, огляделся,- мы в яме, черт возьми! Вот угораздило же. Все из-за тебя. Связался, черт! Лучше бы... сидела бы ты под елкой! Когда ж я своих нагоню? Бедный мой чоппер мокнет,- он прошелся по дну, ощупывая стены ямы.- Вот как отсюда вылезать? Метра три-четыре скользкой грязи. Тьфу!- он смачно выругался.

Наверху завывала Химера.

-Эй, как там тебя?.. Шерри, ты чего молчишь?

-Уууу,- тихо подвывала Анька.

-Что-то сломала себе?- Тим поднял ее на ноги, как тряпичную куклу, прошелся по телу в поисках переломов.- Давай развяжу тебя. Прости, пожалуйста. Болят руки?

-Уууу,- подвывая на одной и той же ноте, Анька отвесила Тиму пощечину и уселась на корточки.

Тим потер щеку.

-Ну, значит, не особо болят.- Он лазил по склонам и что-то бубнил. Анька прислушалась. Virtuoz. Хоть записывай. В его лексиконе она услышала столько производных русского мата, о существовании которых она даже не догадывалась, некоторые просто спектрально отражали все оттенки настроения. Но больше всего ему нравились отглагольные существительные. Их он повторял особенно смачно. А, закончив исследования, спросил:

- Есть хочешь?

Анька выть перестала, но не ответила. Тим принял молчание за согласие и достал

из ее рюкзака бутерброды. Вкусно запахло свежим огурцом и шпротами. Химера заскулила, теперь уже как-то обиженно.

- Ну, извини, собачка. Бутерброд заработать надо. Была бы ты умной, сбегала бы ты к костру, там возле дерева веревка, притащила бы. Вот тогда вся колбаса твоя,- и Тим аппетитно захрустел огурцом.

- Можно подумать, ты чем-то отличился? В голове не укладывается, как можно есть, сидя по колено в грязи, грязными руками,- Аньку передернуло.

- Не укладывается в голове, растяни вдоль спинного мозга. Я голодный. А голодный мужик – злой. Тебе мама про это не рассказывала? Злой мужик думать не умеет. Он злится, понимаешь? А мне нужно придумать, как отсюда вылезти. И тебя, дуру, вытащить.

- Еще раз дурой обзовешь я тебя укушу.

- Ладно, не дура. А что касается грязных рук, то в нашем положении – от грязи не треснешь, а от чистоты не воскреснешь. Поешь, не так мерзнуть будешь. Выдерни листок из блокнота, оберни вместо салфетки, вот и не проглотишь бациллу. Ну...- он протянул ей бутерброд, - я долго с протянутой рукой стоять буду? Или мне тебя насильно кормить, только учти, руки мне мыть негде. Не подавишься?

Его снисходительно-противная усмешка, сопровождавшая все, что было адресовано Аньке, так ее доставала, что она в душе стала понимать женщин-убийц. У нее бы сейчас точно рука не дрогнула.

Анька достала из кармашка куртки салфетку, завернула размокший под дождем кусок хлеба с чем-то уже невкусным, но масляным и сжевала его, чувствуя на себе пристальный взгляд из темноты.

-Как тебя зовут, кошмарное создание?

- Ты при падении головкой ушибся, память отшибло? Я уже представлялась тебе. Забыл? Ну, так придумай или вспоминай. Времени много. До утра еще далеко.- Анька еще хотела что-то добавить, но поперхнулась и замолчала, к чему-то прислушиваясь.

- Я – Тим. Тимофей, значит. И тебя я спросил, как мама при рождении нарекла, а ник твой, я запомнил. Собака твоя – Химера, а ты...,- он вдруг вздрогнул всем телом, а потом снова прибег к спасительным идиоматическим выражениям. Ему на голову упало что-то длинное и, соскользнув, свернулось в ногах. На краю ямы заскулила, а потом залаяла Химера.

- Вот она – умная. Она тебе веревку принесла.- Анька впервые за сегодняшний день улыбнулась. Только ты – сытый и умный, что с ней делать будешь?

- Нет, так точно не бывает. Чтобы какая-то шавка Ладно, Шерри, не бойсь. Сейчас выкарабкаемся. На, посвети телефоном. – Отстегнув несколько цепей от штанов, он скрутил их в шар, сцепля звенья. Прикрепив веревку к металлическому шару и раскрутив над головой, он закинул его в темноту. И попал. Шар обвился вокруг молодого дерева, крепко застряв между корнями другого.

Подергав, Тим уперся ногами в отвесную стену и потянул себя вверх, карабкаясь по веревке.

- Надо же, есть Бог на свете, продавец не обманул, на вид бечевка, а выдержала. Шерри, застегни ремень на себе, я его привязал, держись за веревку и ничего не бойся, я тебя вытяну. Только умоляю, собери все свои манатки, чтобы больше за ними не надо было лазить. Я помню, твой папа не Рокфеллер. Готова?

Подъем не занял много времени. Вокруг них прыгала Химера, тьякала и пыталась лизнуть Аньку.

Тим потрепал собаку по загривку.

- Пойдем, собака, к лагерю. Там тебя ждет колбаса. Я обещал, а ты заслужила. Только показывай дорогу, а то ни зги не видать. Эй, Шерри, ты что притихла?- Он оглянулся и не увидел девушки. Но услышал поскуливание Химеры. Наклонился. Девушка лежала на земле, как-то очень тихо лежала.

- И поза – внутриутробная,- отметил про себя Тим, поднимая обмякшее тело.- Да, девонька, придется нести тебя неэстетично, как куль на плече. А что поделаешь. Темно и тропа скользкая. Так что потерпи. Так, собака, что-то долго идем. Ты правильно ведешь?

Смотри, без колбасы останешься,- Тим бодрился, но голос звучал глухо и тревожно.

Костер давно погас. Искать аптечку в темноте не хотелось. Сам он болел редко, но необходимый в дороге запас медикаментов возил, так, на всякий случай. Но вот куда был втиснут этот пакет? Тим снял с высокой ветки свой рюкзак, нырнул в него, и... Удивился. В руках он держал фонарь. Удивление пришлось выразить вербально, Химера обиделась и отошла за дерево. Ее уже наградили куском колбасы. Но все-таки было любопытно, зачем так ругаться? Да еще и этой светящейся железкой трясти.

Тим положил девушку под тент. Прижал пальцем жилку на шее и стал рассказывать Химере:

- Жива. Пульс почти нормальный. Шея, как у воробья. Куда родители смотрят? Носит этих девиц, ищут приключений,- Он нашел в ее рюкзаке какую-то майку, стянув с нее все мокрое, стал переодевать, предварительно растирая водкой, которую достал уже из своего багажа, - Трать тут на вас всяких, когда самому внутри погреться хочется. Можно подумать, очнешься, спасибо скажешь. Визжать тут же начнешь. Кто меня раздел, как ты посмел? Вот так и посмел, - Тим, растирая, ощупывал каждый сустав, кость, мышцу. Движения были очень бережные и умелые,- А вот тут, похоже, с ребром неладно, это, когда ты на меня упала. Перелома нет, но ушиб хороший. Сейчас мы тебе повязочку наложим. Ничего, Шерри, до свадьбы заживет. Хорошо бы тебе до свадьбы мяса нарастить. Не перезимуешь, однако, одни кости. Хотя. Фигурка хорошая. Ножки длинные, запястья тонкие. Чувствуется порода. Нет, ну куда, блин, родители смотрят, отпуская детей на шабаш под названием фест,- Тим, закончив, с верхней уже утепленной частью тела, критически разглядывал нижние конечности в дырявых, бахромистых, грязных джинсах, увешанных булавками и металлическими цепочками и прожженных кедах:

- Рокерша, блин,- И продолжил водочное врачевание. Завернув ее в свою куртку, Тим в который раз за сегодняшний день- ночь разжег костер. Покопавшись в вещах, нашел-таки аптечку, а в ней ампулу с нашатырем. Ему показалось, что Шерри очень долго не могла очнуться. Но вот маленький вздернутый носик сморщился, и девушка, дернув головой в сторону от ампулы, глубоко вздохнула, приоткрыла глаза, потом закрыла и задышала глубоко ровно. Она спала.

Тим набрал воды в алюминиевую, выдавшую виды, кружку и поставил ее на угли. Сходил к водохранилищу. Вычистил свою одежду, отмылся от грязи и снова вернулся к костру. Химера все это время, как тень ходила у него за спиной.

Тим вылил в пластиковый стаканчик остатки водки, получился почти полный. Вкусно выпил, закусил остатками копченой курицы, вскрыл какую-то банку рыбной консервы без опознавательных знаков и кусочком хлеба подобрал содержимое. В кружке забулькала вода, опустив два чайных пакетика и подергав ими за ниточку, остался доволен цветом и крепостью, вытянул ноги и стал с удовольствием втягивать в себя горячий, живительный напиток.

- Так, что я имею? От ребят отстал. Байк все еще не на ходу. Продукты кончились. Водки нет. До конца отпуска четыре дня, до Питера, как до Луны. На шее голодная, блохастая псина, взбалмошный, истеричный, капризный ребенок женского пола, которого надо сдать с рук на руки родителям, иначе пропадет с ее то умением ввязываться в истории. А оно мне надо? Деньги на телефоне закончились еще вчера. В поселке, ребята сказали, ни тебе банкоматов, ни терминалов. До ближайшего города сорок километров. Задача с несколькими неизвестными. Что делать? Ладно. Спать. До утра крохи остались. А день предстоит тяжелый.

И Тим вытянулся рядом с тихо спящей девушкой. Он даже прислушался, а дышит ли?

И только, когда услышал вздох, закрыл глаза. Мозг тут же отключился от реального мира.

Утреннее солнце робко, бочком протискивалось через молочную пелену тумана, вставшего над землей, водой и лесом. Умытая дождем природа, посвежевшая и похорошевшая, теперь спешила погреться в еще теплых солнечных лучах августа. Тепло

расходилось веером, и там, где ему было удобно, стало припекать, словно летняя жара вернулась и потеснила очень раннюю (уже через несколько дней сентябрь) осень.

Аньке стало жарко, и она проснулась. С трудом понимая, что она не дома, не в больнице, хотя тело болело так, что именно там ему сейчас было самое место, она пошевелила большим пальцем ноги. Химера, лежавшая всю ночь в ногах у Аньки и согревавшая ее, поняла, что новоявленная хозяйка проснулась. Бесшумно поднялась со своего места, подошла к ней, лизнула в нос, и осторожно, переступив через что-то, выползла на волю.

Анька, постепенно приходила в себя, мысленно осознавая, что теплом тела с ней делится Тим, крепко прижавший ее к себе, что она почти раздета, тут ей пришлось покраснеть, в носу зашипало – верный признак близких девичьих слез. Вспомнилась зачем-то бестолковая детская сказка в современной интерпретации, где герой «не покусился», а вот этот гад, может быть, и покусился, да только Анька ничего не помнит. Последняя картинка в памяти – это как из ямы выползла. Значит, воспользовался моим состоянием и покусился, а, если не покусился...? Тьфу, слово то, какое дурацкое прицепилось. А в фильме ничего, смешно было. Анька никак не могла принять решение: лучше отползти, одеться, но тогда может проснуться Тим. И страшно представить, что будет, когда ее глаза встретят пронзительно-насмешливый, а иногда презрительно-брезгливый взгляд этого покусителя. Отчаянно борясь со своей трусостью, Анька все же пошевелилась. А когда большая, горячая рука, служившая ей всю ночь подушкой, выползла из-под нее, ничего не оставалось делать, как, сгруппировавшись в комочек, резко отодвинуться от Тима. И вновь чуть не потерять сознание от боли. Коленкой саданула себя по больному ребру, а спиной стукнулась об глушитель мотоцикла.

Он только что закрыл глаза, реальность выключилась и тут же включилась. Ему показалось, что спал он ровно одну минуту, но чувствовал себя хорошо отдохнувшим, бодрым, а самое главное, почему-то счастливым, как в раннем детстве, когда день предвещает только радость. Но, увидев прямо перед собой огромные глаза, блестящие непролитыми слезами, сказал:

- На случай, если это приветствие – «здравствуй!». Что опять не так? Или ты слезами умываешься по утрам?

Анька молчала, стараясь по сильнее завернуться в куртку, чтобы даже пяткой не отсвечивать. Она закусила дрожащую губу и боялась отвести от него взгляд, чтобы успеть как-то противостоять.

- Ааа,- догадался Тим.- Ночью я был разбойником, к утру, похоже, превратился в насильника. Так, давай точки ставить. Я ограбил тебя на два бутерброда, но заплатил стаканом водки, который извел на твое лечение. Мой синяк на плече от твоего змеиного укуса, на твой синяк на ребре от падения в яму. Ну да, ты права, хилая компенсация. За этот ушиб, так и быть, довезу тебя до самого твоего дома. А что касается насилия, то: во-первых, сексом занимаюсь только по любви или взаимной привязанности. Как видишь, наши с тобой чувства друг к другу далеки от этого. Во-вторых, за насилие над несовершеннолетней мне дадут приблизительно столько, сколько тебе лет. А в тюрьму я не хочу. Я – человек свободы, открытых дорог.- И он неожиданно продекламировал:

Странник, Правда, твоя будет свята

Ты Бессмертье в зигзагах асфальта прочел

Пусть поможет понять тебе ангел крылатый,

Что в погоне за Вечностью ты потерял, что обрел!

Тим помолчал немного, покачал головой и выдал: «Я – человек асфальта. Так что нафиг ты мне приснилась. А то мне баб мало». И он вышел навстречу солнцу, победившему утренний туман.

Анька почему-то с обидой смотрела ему вслед, а в голове опять возникла уже надоевшая за утро фраза: «Даже не покусился». У девушки с утра маятник настроения качается с непонятной, даже для нее, амплитудой. В несколько секунд слезы отчаяния превратились в отчаянную агрессивность:

-Куда ты дел мою одежду?- Заорала она ему в спину.- Ты знаешь, сколько стоят мои джинсы? Где мои вещи,- и чуть тише, - у, гоблин!

- Ну вот, вижу, проснулась. Ты мне что-то сказала?- он швырнул в нее сухими, посеребрившими, правда, но без видимых грязных пятен, джинсами. Туда же полетела толстовка. Рюкзачок был просто подпихнут ногой.- Ну, вот что, Анна Владимировна Бестужева, ты мне с утра настроение не порть. Будешь ругаться, я тебе точно кляпом рот закрою, да еще не посмотрю, что девушка, высеку. Поняла? А сейчас одеваться, умываться и будешь соображать, что мне к столу на завтрак подать. Время пошло.

- Ага, сейчас. Я тебе молчать стану. Ты, значит, по чужим вещам шарить, документы чужие в руки берешь. Кто тебе разрешал? Если большой и сильный, значит, тебе все можно, да? Высечет он. Только попробуй, протяни руки, схлопочешь по харизме.- Анька уже полностью одетая, и сразу же обретшая уверенность стояла босиком, растрепанная, гневная и уморительно хорошенькая в ласковом свете утра. И вдруг она увидела свои кеды. Дыры были заклеены коричневыми дерматинowymi цветочками. Анька сначала тупо смотрела на них, а потом прошептала, так как голос от гнева куда-то исчез: «Что ты наделал?»

- А что? По-моему, очень миленько. Маленьким девочкам идут бантики, цветочки. Не знала?- он усмехнулся, - Кончай бузить. Не стой босиком, на траве роса холодная. Обувайся. Ноги должны быть сухими и теплыми. Твое ночное купание под дождем еще неизвестно каким воспалением тебе может вылезти. Не усугубляй. Здоровье, его не купишь. И кончай тарыхтеть. Скажи дяденьке «спасибо», приведи себя в порядок, а то, как с помела снята, и давай жить мирно.

Анька, зашнуровав кеды, еще раз с тоской посмотрела на то, что с ними стало, устало пробурчала:

-Да как жить с тобой мирно, если ты на каждом шагу глумишься надо мной?- постанывая, не столько от боли, хотя было очень больно, сколько для того, чтобы вызвать у своего мучителя, если не жалость, то хоть какое-нибудь сочувствие или внимание.

Анька умылась. Взбодрила щеткой волосы, приведя их в относительный порядок. Подумалось о макияже, но мысль не задержалась.

- Ну, что, Мойдодыр, доволен?- она крутанулась перед ним. Даже не взглянув на нее Тим, буркнул:

- Кончай, а. Жрать хочется.

-Нда. Там, где у меня чувство юмора, у тебя круглый нолик.- Она покопалась в своем рюкзаке и протянула ему на ладонке полпачки изломанного печенья, шоколадный батончик и две карамели,- Сварить или сырым есть будешь? Где тебе стол накрыть?

- С чаем пойдет,- он тоскливо посмотрел на скудный завтрак и вздохнул,- сладкое детям.

Анька положила свои запасы на несвежую салфетку возле костра и прислушалась, - У тебя там что-то пищит.

- Знаю. Навигатор. С ребятами вовремя на связь не вышел, вот они меня и пытаются достать.

- А ты что-нибудь сделать можешь? Ну, ответить им, посигналить? Типа, я здесь.

- Ага, ракету красную запустить.

- Я серьезно.

- Я тоже, - спичка переключалась с одного уголка рта – в другой.- Телефон разряжен, ночью еще была одна батарея, сегодня – все, сдох. Чоппер отремонтировать можно, но чтобы снять и переставить...,- он оценивающе посмотрел на Аньку,- короче, мужик-помощник мне нужен. Ладно. Вода закипела. Пошли чай пить.

- Я не буду. Вода в кружке была мутная. Ты ее из водохранилища набирал? Там пиявки.

- Сама ты пиявка! Не хочешь, не надо. Воду брал в ручье, поэтому и мутная,- Тим старался говорить спокойно, но не сдержался и заорал,- ну, извини, фильтра нет. Да пошла ты! Первый раз встречаю...,- он проглотил слово,- чтобы так доставала.

Тим молча заварил чай, разлил - себе в кружку, ей – в крышку из-под термоса.

Вытащив из пачки несколько кусков печенья, закинул их в рот и, громко прихлюпывая, стал тянуть в себя кипяток. Заметив боковым зрением гримаску на лице Шерри, хлюпать, стал громче.

Анька взяла свой чай и отошла подальше.

- Правильно, не хочешь видеть помойку – закрой глаза.

Ничего, не ответив, только презрительно передернув плечами, Шерри пошла вдоль берега.

Тим хотел, было, предупредить, чтобы далеко не ходила, но передумал. Мало ли по каким надобностям девушке надо. Может быть, кустики поукромнее хочет найти или Химеру свою пошла искать. Собака, действительно, как провалилась. «То не отходила от девчонки ни на шаг, а то исчезла, даже хвостиком ей на прощанье не помахала,- он привык рассуждать сам с собой, считая, что разговаривает со своим мотоциклом. Вот и сейчас байкер рассказывал своему хромированному другу все, что он думает о создавшейся ситуации. Вытащив свой чоппер на солнышко, Тим достал набор инструментов. Но тут стали развиваться события.

Вернулась запыхавшаяся Анька:

- Там, на дороге, на чернотропе, которая к лесу поворачивает, два байкера стоят и какого-то Варпаховского клянут, в таких выражениях.... Век бы слушала, словарный запас пополняла. Случаем не тебя?

- Только случаем. Ты бы занялась чем-нибудь полезным. Кстати, где твоя Химера? Или твоего склочного характера даже собака не выдержала?

- Ты ослеп? Она под деревом уже битый час лежит, скоро тоже корни пустит, а у тебя, видите ли, куриная слепота.

Тим чем угодно мог поклясться, ну не было собаки здесь еще минуту назад. А сейчас и правда, лежала, голову на лапы положила и спокойно наблюдала за происходящим.

Стремящееся к зениту солнце разошлось и стало припекать так, словно лето решило начать все сначала и потеснить во времени осень, уже стоявшую на пороге.

Солнце играло на блестящих поверхностях байков, бликовало на, казалось, перламутровой поверхности шлемов, заглядывало в стекла солнцезащитных очков и ласково поглаживало по черным кожаным жилеткам и штанам.

- Так, ну с тобой все более-менее понятно. Чоппер сейчас разберем, там работы на час, не больше. Сразу бы тормознул нас, не потеряли бы столько времени. Не мозги у тебя, а жидкое мыло.«Дуру» называется,- Клим постучал в воздухе над головой Тима.- А то пока тебя подождали. Потом ребят к твоему отцу отправил, юбилей, то никто не отменял, а мы ему помочь обещали, помнишь хоть? Не сразу сообразили маячок проверить. Смотрим, не двигаешь ни во времени, ни в пространстве. Мы назад, а тут - гроза. Где тебя под дождем в темноте искать? Ребятам позвонил, предупредил, что будем завтра, чтобы без нас справлялись. В хлеву каком-то ночевали, прикинь, никто на порог не пустил. Во времена пошли!- Клим перемежал свою речь некоторыми междометиями, по-видимому, служившими словами-связками.- Утром сюда. После развилки свернули, три хмыря недоростки шкандыляют, почти инвалиды – опознавательный признак – ты где-то рядом и опять играешь в Рембо-первая кровь. Тьфу!- Клим презрительно сморщился,- Теперь колись. Что за девица? Ей пятнадцать есть? Тим, ты в уме? Это ж статья! Ее предки доить тебя будут до ее совершеннолетия.

- Недолго будут. Ей в октябре восемнадцать. А потом че ты гонишь? Ты меня не знаешь? Только я чоппер брезентухой от дождя прикрыл, ветками от уродов малолетних на всякий, закидал, собрался в деревню. Думал мужика за пузырь зафрахтовать, мне одному было не справиться, деньги на счет кинуть или хотя бы мобилу зарядить, она уже на последнем дыхании, а тут.... Короче, сначала девка сдуру, как с дубу в меня врубилась, да в лес подалась. А за ней три бой-френда. Ну, притормозил их. Хотел объяснить, что, типа, насильно мил не будешь, и групповое насилие над личностью – это,- Тим пожевав спичку, и, потерев нос грязным указательным пальцем, изобразив глубокое погружение в

анналы памяти, выдал,- короче, моветон.

Клим хрюкнул:

- Ну, ты даешь! Слова перепиши!

- Ага, они тоже обиделись. Прикинь, у одного кастет, второй – под ногтями ножичком чистит. Отобрал игрушки. Поучил немного. Результат ты видел. Ну, а потом эту ненормальную пошел в лесу искать. Блин, нашел на свою голову. Ее, прикинь, Анной зовут.

Все это время байкеры, кряхтя, раскручивали какие-то болты, затягивали гайки, что-то продували, зачищали, вынимали, потом опять вставляли на место и, если не получалось сразу, помогали словами. У русского человека два верных помощника в любом деле – кувалда и поминание какой-то матери.

- Ага, а тебя Тимофеем. Я помню, в честь прадеда, который во время революционной бури за три дня успел познакомиться, жениться на какой-то Анне, которая сбежала от него по причине никому не известной. Было это, кажись, в конце августа, ну вот как сейчас. Вышла на перрон воздухом подышать, а потом сиганула в какой-то проходящий мимо поезд. В последний момент, сунув твоему прадеду дамскую сумочку со своим приданным – фамильными драгоценностями и наказав заботиться о собаке. И пропала. Дед искал – не нашел. А потом дед наказал сыну, а твой отец – тебе, найти потомков той Анны и вернуть, на мой взгляд, целое состояние по нынешним ценам. Короче, семейная лабуда. Твой отец мне поведал ее за стаканом, когда мы тебя из Чечни ждали. А ты повелся, да?

Тим, молча вытер ветошью руки. Достал из рюкзака небольшую потрепанную книжицу в старом кожаном переплете. Раскрыл. На картонных страницах при помощи черных ажурных уголков крепились старинные фотографии.

- Ух, ты! первый раз вижу. Это ведь не бумага, на пластик похожа, да?- Клим с интересом разглядывал дагерротипы.

- Когда из коммуналки съезжал, вещи в ящики запаковывал. Соседка подсказала их на чердаке взять. Там нашел один намертво заколоченный. Интересно стало. Едва вскрыл его. Там книги старинные, вещи мужские, шашка, кортик, ну ты видел на стене. Так вот, книги разбирать, лень было, в коробку сунул, а на новой хате ее в антресоли загнал и забыл. Отцу при встрече рассказал, тот попросил книги привезти. Он старье коллекционирует. Перебрал, нашел вот это. А теперь, смотри,- Тим перевернул страничку, на фотографии была тоненькая девушка в белом длинном платье, в ногах примостилась собака, неизвестной породы. И глянь туда,- он показал рукой в сторону, где Анька хлопотала возле костра, отзываясь залихватским смехом на шутки Кота. Рядом крутилась собака.

Клим присвистнул и сплюнул сквозь зубы:

-Это химера какая-то! Честное слово!

- Ага, ее так и зовут.

Закончив с ремонтом мотоцикла, никогда не страдающие отсутствием аппетита байкеры, плотно пообедали. Андрей Котов, в быту Кот, во всю мощь охмурил Аньку. Врал о том, что у него сосед по даче Шевчук, что мол он, Кот, разочаровался в любви, а был великим романтиком. Показывал шрамы, полученные в драках, Тим лишь хмурился. Клим настороженно следил за всеми. Наконец, Кот решил, что Анька еще недостаточно прониклась к нему, поэтому надо дожать девушку. Он достал свою акустическую гитару и стал терзать струны и слух присутствующих, настраивая ее. Климу надоело. Он отобрал и передал инструмент Тиму.

- Нутром чувствую, есть новая песня. Покажи.

Тим подмигнул Аньке. Она нахмурилась. Он улыбнулся. Чуть-чуть подправил звук под себя. У него был красивый голос:

На ангельском крыле душа лежала,

Сливаясь чистотой и белизной.

Из бездны черной в сумерках сбежала,

Спешила в мир, чтоб встретиться со мной.
Она вселилась в тело дивной нимфы.
Зрачкам тесны славянские глаза.
Была поэтами воспета в мифах.
Вот только к людям было ей нельзя.
Здесь ноябрьский дождь хлестал,
В лужах стыла босая нога,
Шрам от крыльев болел всегда
Ветер душу мятежную гнал
У нее впереди нет пути
И до бездны, назад, не дойти.
На плечо ей снежинка легла,
Как перо белоснежного ангела.

Солнце все еще плескалось лучами в воде, а земля, крутанувшись, дала уже новую тень. Байк или чоппер, как называл его Тим, летел со скоростью света. Шерри сначала страшно трусила, но постепенно скорость захватила ее. Она почувствовала, что значит свобода, о которой все говорят. Шерри, крепко держась за Тима, прятала лицо от набегающего ветра за его спину. Вспоминала последние восемнадцать часов, и ей казалось, что это было не с ней. Целую жизнь вместили эти часы. Сначала предательство Гостя. Потом появилась Химера, и у Аньки было знание, что эта собака была с ней всегда. Она и сейчас была рядом, упакованная и увязанная в тент и насильно накормленная снотворным из аптечки Тима. «Чтобы стресса у собаки не было», - отвергая все Анькины доводы, что собака будет себя в дороге хорошо вести. Анька ее будет держать, гладить. - «Угу, а сама зацепишься зубами за воздух?»

А еще Тим. Она его то ненавидела, то трусила, а потому хамила, но страшно боялась расстаться с ним. При въезде в город байкеры разделились. Ребята по объездной направились в Атомоград:

-Мы подождем тебя у отца. Не задерживайся сильно,- подмигнул Клим Тиму и за шиворот оттащил от Шерри Кота, пытающегося разжиться ее мылом, аськой, телефоном или всем вместе взятым.

Анька же на прощанье протянула Коту руку:

- Приятно иметь дело с настоящим мачо!

- Ань, у него в голове две извилины: по одной вагончики катятся в направлении «чего бы выпить?», а по другой «кого бы поцеловать?» - улыбнулся Клим, нисколько не обращая внимание на «страшные глаза» Кота.

- А у меня еще есть третья извилина. Целый мозговой проспект. Она называется «кому бы вмазать?» - внимательно посмотрел Тим на Андрея.

Через час Анька уже бедром пихала свою металлическую новомодную дверь, в квартиру одновременно производя какие-то манипуляции с ключом в замке.

- Он иногда заедает,- пояснила она.

- Я понял,- Тим отодвинул ее от двери, вытащил и снова вставил в замочную скважину ключ,- сим-сим откройся.

Никогда не знаешь, что нашепчет тебе асфальт. Тим решил, что обязательно познакомится с родителями Аньки. Предлогом послужит необходимость зарядить в дорогу телефон. К вечеру он обязательно попадет к отцу на юбилей в город атомщиков, до него все часа два пути. А потом....

Шерри представила его матери, а сама скрылась в ванной. Хотелось под душ, да и в этой ситуации она не знала, что говорить и, как себя вести. Они взрослые, умные не пропадут без нее.

Когда у Елены Евгеньевны прошел первый шок при виде своего пыльного ребенка сдохлой (ей объяснили – спящей) собакой на руках в компании с этим высоким,

непривычным ее кругу знакомых, молодым человеком, она, предложила ему располагаться, быть, как дома, а сама кинулась на кухню ставить чайник. Она что-то безотчетно предчувствовала.

Тим, оставшись один в комнате, огляделся. Уютно, душе тепло, значит выбор правильный - нашел свое. Заглянул в комнату к Шерри. Усмехнулся. Подростковый максимализм беспорядка, уживался здесь со здравым смыслом. Поднял, брошенный на пол рюкзачок, из которого вдруг выпал уже знакомый блокнот, а в нем упаковочный от «Кодака» конверт с фотографиями. Тим достал несколько штук, перебрал их по одной, потом, посерев лицом, сложил их все на место, оставив себе одну.

Елена Евгеньевна пригласила неожиданного гостя за стол, и стало ей как-то неуютно от помрачневшей вдруг атмосферы в доме. А только что был праздник. Но долг гостеприимства – превыше всего. И извечная спасительная тема о природе и погоде должна была развеять, снять первое напряжение знакомства. Но молодой человек, словно не слышал ее. Он ритмично постукивал чем-то о край стола. Елена Евгеньевна пригляделась. Протянула руку, тихо попросив: « Можно?». Тим еще раз внимательно посмотрел на фотографию и положил, словно припечатал ее к столу.

- Что вас так расстроило, Тимофей? Мне на здесь приблизительно столько же, сколько Анечке. А это – мой первый муж. Дурацкая романтическая история моей юности.

- Расскажите, - Тим едва справлялся с волнением.

- Да, в общем, рассказывать нечего. Конец августа. Я успешно сдала вступительные экзамены в Новосибирский университет. До занятий было еще несколько дней. Пошли с девчонками в кафе «Изотоп» в Академгородке. Там познакомились со студентами с факультета ядерной физики. Мы – лирики, они – физики. Романтика. Постепенно все разделились по парам. Он был необыкновенный, перемножал в уме четырехзначные числа, знал политиков всех стран и был ужасно эрудирован во всем. Мы блуждали по городу всю ночь и говорили, говорили. А еще за нами от самого кафе увязался симпатичный щенок. Уже не маленький, а такой, знаете, подросток. Сергей потом взял его к себе. Утром мы пошли в ЗАГС. Удивительно, но нас расписали без очереди, такая была привилегия у студентов этого факультета. Потом была сумасшедшая студенческая свадьба. Вот там и сделали это фото. Через час принесли еще влажные снимки. Это был свадебный подарок. А через день он не пришел ночевать. Я не стала выяснять отношения. Утром на самолет, и вот я дома. Родители ругались, но за меня заступилась моя бабушка. Я Аню в честь нее назвала. Она сказала, что тоже сбежала от мужа через день после венчания. Это просто рок нашей семьи.- Елена Евгеньевна еще раз спросила: Так что же вам не понравилось, Тимофей?

- Тим, зовите меня Тим. Извините. Я подумал об Ане плохо. Это - мой отец. Я решил, что это моя фотография. Еще раз извините. Я не могу задерживаться, меня ждут. У отца сегодня юбилей.

- Передайте ему привет и мои поздравления, если он меня вспомнит, конечно. А что передать Ане?

- Я позвоню.

Над домами зависла немного ущербная луна. Тучи затянули небо южнее, а здесь все было полно призрачного неживого света. В свете тусклого ночника на кухне сидели отец с сыном. Они уже давно сидели. Сначала пили кофе, потом коньяк, потом чай. Отец много курил. Сын привычно гонял спичку из одного уголка рта – в другой. Гости давно спали.

- Ты уже что-то решил?- спросил отец.

- Да, это будет третья и последняя попытка. Я должен закрыть этот нелепый счет, начатый прадедом. Но мне нужно все продумать.

- У тебя отпуск, когда заканчивается?

- Послезавтра. Пап, клиника то наша, мне кто указ? Возьму еще неделю за свой счет.- Тим улыбнулся,- Имею право раз в жизни жениться. Ничего. Команда хорошая, думаю, ребята еще и благословят на дорожку

Солнце клонилось к закату, но до вечера еще было далеко. Самый край горизонта уже заалел, словно где-то там горел горячий гигантский светильник, пылающий и согревающий сердца всех влюбленных на земле.

Анька в сотый раз прошла по комнате, пнула рюкзачок в угол. Топнула ногой.

-Черт!

Она тупо смотрела на плакат Виктора Цоя, постепенно лидер группы «Кино» стал терять очертания и расплываться в искаживших реальность слезах. Анька поднесла к губам ладонь и прикусила ее, чтобы по-звериному не завывать от накатившей боли. Вдруг к ногам прижалось что-то мягкое и теплое.

-Химера, бросил он нас с тобой,- с трудом выговорила Анька.

Собака, склоняя голову на бок, хитро наблюдала за своей хозяйкой. К переживаниям Шерри она была равнодушна, наоборот, казалось, вот-вот радостно подмигнет. Раздался гул. Анька и Химера прислушались. Через секунду Анька поняла, что это вибрирует телефон Тима, который он постановил на зарядку и забыл, кинулась его искать. Дрожащими пальцами открыла раскладушку. Услышав родное «Привет» заорала:

-Где тебя черти носят? Тут Химера сама не своя, привыкла же к тебе предательница,- и совсем другим, просящим тоном, добавила,- Ты приедешь за... телефоном?

-Слушай и запоминай. Я приеду завтра рано утром. Будь готова. Мы пойдем в твой универ, и ты напишешь заявление о переводе на питерский журфак. С деканом я договорился, тебя возьмут. Собери вещи. Мне, конечно, до фонаря, но это будет твой дискомфорт. И не вздумай сопротивляться, привяжу к байку. И, кстати, на днях мы женимся,- и немного помолчав, спросил,- Да?

-Если скажешь: «ползи черепашкой», то я натяну панцирь и поползу,- радостно закричала в трубку Шерри.

- Пожалуйста, предупреди родителей, что я завтра приеду, мне надо поговорить с твоей мамой. Паспорт не забудь, малолетка,- нежно напомнил Тим.

- Сам не забудь, насадка на чоппер!

«Вот и закончился пятый байк-фест Черноземья. Дорога тянется в небо. В ушах лишь ветер и шум колес. Раскачаем этот мир! Отдадимся безумству скорости!»- Анька написала последние строки статьи, и, прикусив колпачок ручки, улыбнулась.